

HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	”Общественная ссыпка” и военно-продовольственная система России в годы Первой мировой войны
Author(s)	Мацузато, Кимитака
Citation	Acta Slavica Iaponica, 15, 17-51
Issue Date	1997
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/40138
Type	departmental bulletin paper
File Information	15_17-51.pdf

“Общественная ссыпка” и военно-продовольственная система России в годы Первой мировой войны

Кимитака Мацузато

I. Постановка проблемы

На определенном этапе развития товарно-денежных отношений в деревне возникает борьба между крестьянами и сельскими торговцами за обладание прибавочной стоимостью. “Нерациональная”, с точки зрения Макса Вебера, деятельность сельских торговцев была часто связана с кабальным кредитом. В борьбе с ними крестьяне организовывались в кооперативы, стремясь удержать в своих руках посредничество и выдачу кредита. Важную роль при этом играла просветительская деятельность сельской интеллигенции, направлявшая крестьянскую стихию в кооперативное русло. Поэтому в общественной мысли многих стран, находящихся на определенной стадии развития аграрного капитализма, возникла идея о противоположности земледельческого труда и торговой деятельности.

Решающее значение в этой борьбе за обладание прибылью имела форма ссыпки (реализации) сельскохозяйственной продукции. Если это дело оставалось в руках торговцев, то крестьяне не могли покончить с зависимостью от них даже при нормальном развитии остальных видов кооперации. Поэтому крестьяне и сельская интеллигенция пробовали использовать для реализации своей продукции кооперативы или другие общественные учреждения. В России того времени это называлось “общественной ссыпкой”. Однако именно в этом деле более всего требовались опыт, гибкость организации, информационная сеть, личные связи и т. д. Как правило, попытки сельской интеллигенции и кооператоров организовать общественную ссыпку не могли выйти из рамок “торга самураев” (т.е. носили дилетантский характер и не отличались любезным отношением к клиенту), а потому были обречены на крах.

Однако бывает, что война ставит “торг самураев” в благоприятные условия. В военной обстановке возникают интендантские поставки, т.е. крупный и стабильный рынок сельскохозяйственной продукции, поддерживаемый казной. Кроме того необходимость максимального использования производительных сил страны и общественное воодушевление ставят скупщиков в неловкое положение. В результате кооперативы находят возможность расширить свою долю в торговле сельскохозяйственной продукцией. Типичным примером этого является формирование “продовольственно-контрольной системы (*Шоку-кан-сей*)” реализации риса в Японии во время войны с Китайской республикой в 30-х годах XX века. Вплоть до 1920-х годов японская торговля рисом имела много общего с хлебной торговлей в дореволюционной России. В Японии 1931 г. торговцы

реализовали около 75% риса, а кооперативы — около 25%.¹ Сельские посредники рисоторговцев обходили крестьянские дворы и скупали рис. Даже в 1939 г., накануне запрещения свободной торговли рисом, в стране насчитывалось более 20 тыс. таких посредников.² Крупные рисоторговцы производящих префектур обычно занимались и торговлей удобрением, и ростовщичеством.³ Осенью бедняки спешили продать рис, весной брали его в долг. Крестьяне приобретали удобрения в счет будущего урожая.

Поворотным пунктом аграрной политики японского правительства послужила мировая депрессия 1929-1933 гг., в борьбе с которой оно, взяв за образец опыт соседа-противника (СССР), провело в жизнь “План возрождения деревни” и “Пятилетку распространения производительных кооперативов”. Коллективистское направление в решении продовольственного вопроса укрепилось во время упомянутой войны с Китаем. К началу японо-американской войны (1941 г.) сложилась продовольственно-контрольная система, которая покоилась на трех принципах: (1) Государственная монополия на торговлю рисом (в Японии накануне Второй мировой войны около 55% риса производилось на рынок,⁴ реализация которого была монополизирована государством). (2) Единый канал распределения риса, состоящий исключительно из государственных предприятий и общественных организаций. (3) Ценовая система с “обратными ножницами”: правительственные заготовительные цены были выше продажных.⁵ Итак, то, о чем когда-то мечтало Временное правительство в России, было осуществлено в Японии в 1930-1940-х гг.

Японская продовольственно-контрольная система представляет собой крайнюю форму огосударствления хлебной торговли в рамках капитализма и поэтому может служить эталоном при сравнении продовольственных систем различных стран. Эта система представляет интерес, не только потому что сохранилась до сих пор и не позволяет японскому правительству либерализовать импорт риса, но и потому что она родилась и выросла в условиях складывания монопольной роли Центрального союза сельскохозяйственных коопераций (*Но-Кио*) в социально-политической жизни японской деревни. Без знания своеобразной роли *Но-Кио* невозможно понять сорокалетнюю монополию власти японской Либерально-демократической партии. Возможно, анализ японской продовольственно-контрольной системы был бы гораздо интереснее для русских читателей, чем рассмотрение неудачного опыта государственного капитализма на своей родине. К сожалению, это не входит в задачу данной работы. Отметим лишь, что войны часто создают благоприятные условия для общественной реализации хлеба, хотя уровень достижений в этом деле в разных странах весьма различен.

Российская система заготовки хлеба во время Первой мировой войны могла сформироваться быстро и дешево именно благодаря конверсии общественной ссыпки, организованной земствами и кооперативами, в военно-интендантскую систему. Однако до сих пор историки обращали мало внимания на организационный аспект этого дела. Классическая книга Н. Д. Кондратьева по этой проблеме *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции*

(М., 1922), наверное, по причине того что она написана после победы большевизма, ограничивала свою задачу только анализом мероприятий по заготовке хлеба и регулированию хлебного рынка и не освещала организационного аспекта этой проблемы. Этот пробел в работе Кондратьева может быть заполнен другими исследованиями, например, трудом Всероссийского земского союза *Организация заготовки хлебов в Тамбовской губернии* (1917), составленным под редакцией А. Чаянова.⁶

Шестидесят три года спустя после издания работы Кондратьева вышла в свет монография Т.М. Китаниной *Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 - октябрь 1917 г.)* (Л., 1985). Автор этой немаловажной работы, исходя из классической дихотомии “государство и рынок”, недооценивает значение организационных проблем. Создается впечатление, что якобы оптимальная экономическая политика во время тотальной войны должна быть основана на максимальном расширении государственного регулирования рынка, например, государственной монополии хлеба, карточной системе и т.д. Тут заметна идеализация (вслед за В.И. Лениным) немецкой системы организации тотальной войны. Однако для того, чтобы ввести карточную систему в городах, городская жизнь должна быть высоко организована, например, в форме уличных комитетов или домкомов горожан, что трудно было ожидать в России. Учитывая большое значение субъективных факторов в формировании экономической политики, автор данной статьи предлагает другой подход, который исходит из того, что правительственные и общественные предприятия формируют организационную инфраструктуру и последняя, в свою очередь, порождает соответствующую экономическую политику. В данном случае понятие “инфраструктура” многозначно, из него не исключаются ни накопленный опыт, ни технология, ни даже менталитет участвующих в деле людей.

Правда, любая тотальная война требует, чтобы воюющие правительства адаптировались к объективным условиям, независимо от готовности инфраструктур. В этом плане полезен и подход Китаниной. Но, с другой стороны, почему, например, в России во время Первой мировой войны правительственные твердые цены были введены только на сельскохозяйственную продукцию, но их не было для заготовки промышленных товаров? Причем, несмотря на то, что современники хорошо сознавали, что недовольство крестьян этой несправедливостью стало одной из причин кризиса в заготовке хлеба. Причина проста — в русской деревне существовала организационная инфраструктура для регулирования цен на производимую продукцию в лице земств и кооперативов, а в промышленном секторе ее не было. Хотя многие понимали, что отсутствие твердых цен на промышленные товары может сыграть для царского режима роковую роль, но все-равно “на нет и суда нет”.

II. Кто нес главное бремя заготовок?

3 декабря 1916 г. последний министр земледелия при царизме А.А. Риттих разослал телеграмму с сообщением о своем вступлении в должность.⁷ При этом

готовились три варианта текста в зависимости от достижений того или иного уполномоченного в деле заготовки. Иначе говоря, уполномоченные были разделены на три группы в соответствии с их успехами, как это иллюстрировано в Картограмме 1. Откуда такая разница? Если она возникла от мощности земств и кооперативов данной губернии, привлеченных во время войны к организованным правительством заготовкам, а не от объективных параметров аграрного потенциала в губерниях, то это может свидетельствовать об адекватности подхода автора этой статьи к анализу военно-заготовительной политики России. Ведь в этом случае оказывается, что успех в заготовке хлеба определялся, скорее всего, наличием организационной инфраструктуры. Но проблема в том, что в последние годы царизма большинство губерний с сильными земствами являлось одновременно сильными аграрными губерниями. Поэтому трудно отличить субъективные факторы от объективных. Тем не менее постараемся сопоставить Картограмму 1 с другими картограммами, показывающими аграрный потенциал губерний.

Не удивительно, что нет противоречия между Картограммой 2, показывающей избытки хлеба на человека и Картограммой 3, показывающей порядок культур по степени важности в валовом сборе губерний Европейской России. Наиболее богатые регионы в отношении избытков зерна производили больше всего пшеницы, потом, овес или ячмень, наконец, рожь за единственным исключением - Самарской губернии, имевшей следующий порядок в сборе хлебов: пшеница - рожь - овес - ячмень. Граница между производящими и потребляющими губерниями в Картограмме 2 в основном совпадает с границей между Зонами 2 и 3 Картограммы 3. Исключение составляли Черниговская, Вятская, Казанская и Нижегородская губернии. Принадлежность Нижегородской губернии к группе потребляющих, несмотря на состав культур, свойственный производящим губерниям, объясняется тем, что она была относительно урбанизированной губернией и крупным центром мукомольной промышленности. В целом, совпадение Картограмм 2 и 3 утверждает простейший факт: избытки хлеба были больше в тех губерниях, которые производили хлеба, пользующиеся наибольшим спросом на рынке, т.е. на юге и в Самарщине.

Контрастно, не наблюдается совпадения между этими Картограммами и Картограммой 1. Так, например, небогатая в отношении зернового производства Пермская губерния активно участвовала в правительственной заготовке в то время, как богатые аграрные губернии Харьковская, Курская и Воронежская не отличались достижениями в области заготовок. С другой стороны, заметно, что Картограмма 1 соответствует репутации губерний по развитости земско-кооперативного движения, за исключением Киевской и Харьковской губерний. Причем понятно, что Киевская губерния вышла из первого ряда земско-кооперативного движения в 1916 г. ввиду ее близости к фронту.

К сожалению, телеграмма Риттиха не оценивала деятельность новороссийских (южноукраинских) заготовительных организаций, работавших в самых богатых аграрных регионах. Другое источниковедческое ограничение — у автора отсутствуют данные об избытках ячменя в ноябре 1916 г.⁸ Поэтому можно

уточнить анализ только по губерниям среднего пояса, в котором три культуры кроме ячменя (т. е. рожь, пшеница и овес) были основными — Зоны 3, 4, и Оренбургская губерния из Зоны 6 Картограммы 3. Как видно из таблицы 1, в рамках этого пояса наблюдается определенное совпадение между количеством избытков хлеба и успешностью заготовки, хотя здесь тоже (как и в Картограмме 1) можно предположить лень воронежцев и усилие тамбовчан.

Таблица 1. Сумма избытков ржи, пшеницы и овса в ноябре 1916 г. по оценке министерства земледелия

	губерния	*	**		губерния	*	**
1	Таврическая	62,3	-	13	Екатеринославская	25,9	-
2	Полтавская	55,6	1	14	Бессарабская	25,1	2
3	Воронежская	48,8	3	15	Орловская	22,3	2
4	Уфимская	40,9	1	16	Тульская	18,7	3
5	Донская область	40,2	-	17	Курская	16,5	3
6	Саратовская	35,7	1	18	Харьковская	15,1	3
7	Самарская	34,7	1	19	Симбирская	6,5	3
8	Подольская	32,7	-	20	Рязанская	2,9	3
9	Киевская	31,2	3	21	Волынская	0,5	-
10	Оренбургская	31,1	2	22	Астраханская	0,4	-
11	Херсонская	30,9	-	23	Пензенская	-1,3	3
12	Тамбовская	30,7	1	24	Нижегородская	-9,6	2

* Сумма избытков (или недостатков) трех культур, в тыс. пудов.

** Зона в Картограмме 1.

Источник: РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 110, лл. 80-97.

В целом, можно заключить, что решающим фактором в успешном проведении заготовок была активность заготовителей, хотя объективное состояние хлебного рынка оказывало определенное влияние. В частности, заготовительный кризис, наблюдавшийся осенью 1916 г., могли выдержать только “опорные пункты” российского земско-кооперативного движения.

III. Агротехнологический переворот и общественная ссыпка

Бурное развитие общественной агрономии в России после революции 1905 г. выдвинуло на первый план задачу преодоления устаревшей формы ссыпки сельскохозяйственной продукции. С другой стороны, распространение кредитных кооперативов в деревне создало основу для общественной ссыпки. Правда, что касается хлеба, то обобществление его сбыта считалось тогда делом крайне сложным, но коллективная заготовка льна, молока и прочих (т. е. более коммерческих видов продукции) уже практиковалась в довольно значительном размере.

Московская губернская земская управа в докладе губернскому собранию 1912 г. отметила: “Организация сбыта на кооперативных началах во многих случаях является наиболее действительным средством к реорганизации всего хозяйства и повышению его продуктивности и доходности”.⁹ Причем, тесная связь между общественной ссыпкой и задачей упорядочения хлебной торговли в смысле преодоления базарного капитализма была осознана. Таблица 2 показывает развитие мероприятий земств, кооперативов и государственного банка (Госбанка) по упорядочению хлебной торговли.

Таблица 2. Развитие предлагаемых мероприятий по упорядочению хлебной торговли

	до 1905	после 1905
земства	улучшение технических условий хлебной торговли	организация самой хлебной торговли
кооперативы	хлебозалоговая операция без посредничества (ломбардирование)	хлебозалоговая операция, связанная с посредничеством
Госбанк		сооружение элеваторов и финансирование кооперативов на постройку зернохранилищ

Надо отметить, что “мероприятия” земств и кооперативов после 1905 г. означают только созревание идей, а не их осуществление.

К мероприятиям по “улучшению технических условий хлебной торговли” относятся улучшение транспорта, организация хлебной статистики и т.д., а к мероприятиям, касающимся “организации самой хлебной торговли” - хлебозалоговая операция, строительство элеваторов, действия по предотвращению сезонного спада хлебных цен, устранение чрезмерного посредничества скупщиков и т.д. Земства в течение 20 лет после их введения занимались только мероприятиями первой категории. Но в 80-е годы ввиду мирового аграрного кризиса такие передовые земства, как Екатеринославское, начали обсуждать вопросы о сооружении элеваторов, об учреждении земских представительств за границей и прочих мероприятиях, входящих во вторую категорию.¹⁰ Однако большинство таких планов оставалось на бумаге, так как тогда еще не существовали кредитные кооперативы - главный канал для общественного сбыта хлеба. Только после революции 1905 г. мысль о необходимости мероприятий второй категории распространилась в земских кругах. Областной съезд по упорядочению хлебной торговли на юге России, состоявшийся в июне 1913 г. в г. Екатеринославе, сыграл особую роль в популяризации идеи общественной ссыпки хлеба. В период подготовки упомянутого съезда (1910-1913 гг.) Государственная дума обсуждала два законопроекта о государственной хлебной монополии, хотя оба были отклонены.¹¹

На первом этапе своего развития кооперативные хлебозалоговые операции не были связаны с посредничеством. По сути дела, такие операции равносильны ломбардированию, использующему разницу в уровнях осенних и весенних цен на хлеб. Осенью крестьянам выдавали деньги под залог хлеба, ссыпанного в определенное место, весной этот хлеб отпускали на продажу, и прибыль, полученная от разницы заготовительной и продажной цены, вкладывалась в фонд для кредитования. Такой простой способ не требовал ни рыночного оборота хлеба (его можно было провести даже внутри одного села), ни самого существования кредитных кооперативов. Современники считали за образец опыт Крестецкого уездного земства Новгородской губернии, которое еще в 60-е годы XIX века использовало для ломбардирования сельские хлебные магазины.¹² Среди кооперативов пионером оказалось Верхнерогатинское ссудо-сберегательное товарищество Таврической губернии, которое в 1893 г. приступило к хлебозалоговым операциям. Но эти операции тоже относились к ломбардированию.¹³

Ломбардирование было нацелено на предотвращение спешной реализации хлеба крестьянами и не могло изменить самих условий его продажи. Для этого был необходим переход на второй этап хлебозалоговых операций, сопровождаемых посредничеством. Посредничество кооперативов могло быть двоякого рода: комиссионная продажа хлеба и “покупка за твердый счет”. Однако вплоть до Первой мировой войны большинство хлебозалоговых операций, предпринятых кооперативами оставалось на этапе ломбардирования. По материалам, собранным упомянутым Екатеринославским съездом в пределах 14 южных губерний, из общего числа 192-х кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, о которых присланы были сведения, хлебозалоговые операции велись в 159 случаях, но прием хлеба для комиссионной продажи производился только в 16 случаях, а “покупка хлеба за твердый счет” - в 17.¹⁴

Главной причиной, препятствовавшей переходу хлебозалоговых операций на второй этап, являлось отсутствие у кооперативов зернохранилищ, собственных или арендованных. Даже на этапе ломбардирования это затрудняло защиту прав кредитора, но на втором этапе неудобство отсутствия кооперативных зернохранилищ стало существенным. Кредитование, связанное с посредничеством, требовало зернохранилищ, оборудованных машинами для очистки, сортировки и сушения зерна. Кроме того, эти зернохранилища должны были быть расположены в соответствующих местах, удобных для осуществления торгового оборота, например, при железных дорогах. Сельские хлебозапасные магазины в этом случае уже не могли заменить элеваторов.¹⁵ Понимание необходимости соединить хлебозалоговые операции с посредничеством привело в 1911 г. министра финансов В.Н. Коковцова к утверждению правил, подготовленных Управлением по делам мелкого кредита, о помощи кооперативам выдачей ссуд на постройку или приобретение зернохранилищ. Однако ко времени открытия Екатеринославского съезда (1913 г.) в пределах 14 южных губерний и областей число кооперативных зернохранилищ равнялось только 50.¹⁶

Именно здесь наблюдался *arogia* (тупик) для общественной ссыпки в России: для отдельных кредитных товариществ постройка зернохранилищ

совершенно не окупалась. Организация союза товариществ в районе могла бы создать более благоприятные условия, но, как известно, МВД препятствовало формированию союзов вплоть до весны 1915 г. Даже при наличии союза рентабельность собственных зернохранилищ не была обеспеченной. Госбанк неоднократно уклонялся от сооружения мелких зернохранилищ, считая, что упорядочить хлебную торговлю и окупаться могут только крупные зернохранилища с достаточным оборудованием и специалистами. Получался парадокс — на кооперативы возлагалась задача, которая не была под силу даже Госбанку. Херсонская губернская земская управа в докладе губернскому собранию в 1911 г., извлекая урок из опыта хлебозаготовочных операций Госбанка, пришла к следующему выводу: “Если ссуда будет обусловлена обязательством ссыпать закладываемый хлеб в общественные зернохранилища, то операция эта развития не получит, так как ссыпка хлеба связана с обезличиванием его, с хорошей очисткой, с сушкой, с расходами по хранению и страхованию - в общей массе зачастую понижающими все выгоды от залога хлеба”.¹⁷

Итак, упорядочение хлебной торговли требовало коренного изменения всей ее системы. Предполагалось, что именно кредитные товарищества вынесут на своих слабых плечах огромную тяжесть такого перехода.

Сокращение и стандартизация хлебных сортов есть необходимое условие для массовых, быстрых и безопасных капиталистических хлебных сделок. Толчком к развитию этого дела послужило распространение элеваторов, которые не только способствуют, но и требуют сортировки и обезличения зерна. В США начали строить элеваторы во второй половине XIX в. Вскоре варранты (удостоверения, показывающие качество и количество сданного хлеба) приобрели значительное доверие и вошли в оборот в качестве ценных бумаг. Элеваторы, обезличение зерна на основании сортировки (классификации) и выдача варрантов — эту триаду называли элеваторной системой. Она внесла радикальные изменения в хлебную торговлю США.¹⁸

Развитие хлебного экспорта США и мировой аграрный кризис 70-80-х гг. XIX в. вызвали и в России интерес к элеваторам. В 1888 г. русское правительство утвердило “Положение о товарных складах” и заслуга в постройке первого в России элеватора принадлежала (Елецкому) земству. В этом деле большую роль играли и частные железнодорожные компании, располагавшие в начале XX в. 62 элеваторами и 198 зернохранилищами общей емкостью 42,4 млн. пудов.¹⁹

Урожайный 1910 год заставил правительство и земства задуматься над мероприятиями по предотвращению снижения хлебных цен. В ноябре этого года Совет министров одобрил предложение, представленное Советом Госбанка, о сооружении элеваторной сети. В декабре Совет Госбанка созвал совещание управляющих своими отделениями в восьми юго-восточных губерниях (Оренбургской, Уфимской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Воронежской). Эти управляющие весной следующего года созвали местные совещания представителей земств, городов, сельскохозяйственных обществ, биржевых комитетов для обсуждения плана сооружения элеваторов. Объединив итоги этих местных совещаний, Совет Госбанка решил построить в восьми губерниях

к 1916 г. 83 элеватора емкостью 63,6 млн. пудов.²⁰ Из них к началу мировой войны было открыто 18 элеваторов на 10,7 млн. пудов.²¹ Война замедлила строительство элеваторов,²² но в 1915 г. Советом Госбанка был принят второй, еще более амбициозный план. Если бы оба плана были полностью исполнены, то район, обслуживаемый элеваторами, охватил бы 22 губернии, на долю которых приходилось около 46% общего сбора всех зерновых хлебов Империи.²³ По сведениям Т.М. Китаниной, к 1917 г. действовало всего 47 элеваторов на 29,2 млн пудов.²⁴

О симпатии Госбанка к идее общественной ссыпки свидетельствует тот факт, что вышеуказанное заседание Совета Госбанка, одоббившего план строительства элеваторов (декабрь 1910 г.), приняло одновременно и план финансирования строительства кооперативами мелких зернохранилищ.²⁵ Что касается норм приема хлеба крупными элеваторами Госбанка, то 25 пудов были приняты за минимум. С технической точки зрения прием столь мелкой партии нерационален, но Госбанк, как видно, хотел облегчить возможность непосредственных сделок с мелкими производителями. На заседании упомянутого Екатеринославского съезда один из представителей Госбанка хвастливо назвал последний “крестным отцом” общественной ссыпки, так как Госбанк инициирует формирование сети кредитных кооперативов в России при помощи состоящих в его штате 400 инструкторов мелкого кредита и строит элеваторы в юго-восточных губерниях.²⁶

Несмотря на упомянутые достижения, в России один из трех существенных условий элеваторной системы, а именно: обезличение зерна на основании сортировки — мог быть выполнен только отчасти, ибо, по причине значительных географических различий зернового производства страны и низкого уровня агрокультуры, зерновые сорта не могли быть сокращены и стандартизированы. В результате варранты не гарантировали массовых и быстрых хлебных сделок. Современники сожалели, что в России “есть элеваторы, но нет элеваторной системы”.²⁷ Более того, элеваторы Госбанка не были связаны с сетью мелких и средних зернохранилищ. Сам Госбанк отказался от их сооружения, ссылаясь на то, что зернохранилища могут способствовать упорядочению хлебной торговли только тогда, когда они обеспечены необходимыми машинами и квалифицированными кадрами.²⁸ Поэтому земствам и кооперативам пришлось самим строить сеть мелких зернохранилищ, хотя правительство в некоторой степени их финансировало.

Именно проблема сооружения средних и мелких зернохранилищ и упорядочение всей сети зернохранилищ оказалась главным спорным пунктом на Екатеринославском съезде. “Передовое” в деле мелкого кредита Полтавское губернское земство предложило четырехслойную систему: 1) мелкие зернохранилища под контролем кооперативов, 2) уездные и 3) губернские земские элеваторы, 4) крупные элеваторы портовых городов под контролем регионального земского союза. Согласно проекту Полтавского земства, кредитные товарищества, тяготеющие к одной и той же станции, должны были объединяться в союз, отвечающий за управление хранилищем.²⁹ Этот способ будет широко применен во время Первой мировой войны, являясь одной из причин бурного распространения союзов

кредитных товариществ в этот период. Противоположное течение на съезде представляли Херсонское и Бессарабское губернские земства. Полностью отрицая значение земских зернохранилищ, Херсонское земство презрительно отметило: предполагать, что кредитные товарищества, которые часто не в состоянии вести сколько-нибудь сложного счетоводства, смогут поставить правильно дело сбыта хлеба “равносильно надежде на какое-то сверхъестественное явление, — на чудо”.³⁰

Сам факт, что разногласие среди земцев было столь значительным, показывает малоразвитость этого дела. Здесь мы еще раз сталкиваемся с тупиковой ситуацией, в которую движение общественной ссыпки России зашло: она была нерентабельна без изменения всей системы хлебной торговли. Сознывая это, одни земцы стали радикальными, а другие — консервативными. В мирных условиях найти выход из упомянутого тупика оказалась почти невозможно, поэтому общественная ссыпка до войны оставалась на экспериментальном этапе. В этом можно еще раз убедиться, если сравнить ее с другими компонентами агротехнологического переворота того времени, например, развитием участковой агрономии, распространением кредитных товариществ. Однако нельзя отрицать значение эксперимента, так как он легитимизовал идею общественной ссыпки не только в общественных, но и в правящих кругах. Именно поэтому с началом Первой мировой войны не намечалось ни возвращения к подрядной системе, ни прямого привлечения бирж и частных банков к заготовке хлеба. Россия не пришла к государственному капитализму обычного типа.

IV. Постановление Совета министров от 1 августа 1914

Основные черты русской военно-заготовительной системы по продовольствию были определены Постановлением Совета министров от 1 августа 1914 г., в котором имелись три взаимосвязанных новшества. Во-первых, Постановление изъяло полномочия по заготовке продовольствия для армии из рук Главного интендантского управления и возложило их на А.В. Кривошеина, главноуправляющего землеустройством и земледелием. Главноуполномоченным по закупке хлеба для армии был назначен Г.В. Глинка, начальник Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ).³¹ Во-вторых, оно рассматривало земцев в качестве главных кандидатов на роль местных уполномоченных по закупке хлеба для армии. Совет министров хотел возложить обязанности по заготовке хлеба для армии на земскую агрономическую организацию, быстро развивавшуюся накануне войны. В-третьих, был принят принцип “непосредственной покупки у производителей”, хотя уже накануне войны интендантство стремилось по возможности к осуществлению этого принципа.

Мотивом для принятия этого постановления послужило убеждение правительственных кругов в том, что интендантство, штат которого составлял всего около двух тысяч человек по Империи,³² неспособно справляться с заготовками. Главное интендантское управление с удовольствием передало свои полномочия Главному управлению землеустройства и земледелия, которое, по словам

самого главного интенданта Д.С. Шуваева, “в течение последних лет...создало большое число ученых специалистов во всех отраслях сельскохозяйственной жизни”.³³ Постановление являлось также реакцией на панику среди землевладельцев после прекращения экспорта хлеба, которая подогрела привычные им настроения против торговцев. Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин в письме военному министру В.А. Сухомлинову, переданном по-видимому непосредственно перед заседанием Совета министров 1 августа, приписал падение хлебных цен “недобросовестности перекупщиков и мелких посредников, стремящихся использовать в своих выгодах исключительные современные условия”.³⁴

Козырем ГУЗиЗ являлись доверительные отношения с земствами. Масса неприятностей, испытанных земцами и кооператорами в ходе довоенных поставок хлеба интендантству (последнее, например, самовольно браковало зерно) оттолкнули их от этого ведомства. У крестьян сложилось мнение, что поставлять в интендантство хлеб - дело рискованное и лучше продать хлеб за низкую цену скупщикам, но зато наличными.³⁵ Трудно было преодолеть такой взгляд без коренного изменения системы поставок. Так, например, Вятское губернское земское собрание, созданное 12-13 августа 1914 г., обсудив предложения, поступившие от интендантства и ГУЗиЗ, решило принять только предложение последнего, “свободное от излишних формальностей, покоящееся на доверии к общественным силам”.³⁶

На основе Постановления Совета министров от 1 августа 1914 г. 11 августа Кривошеин утвердил инструкцию по заготовлению для армии хлеба, которая предоставляла местным уполномоченным право выбрать способ и организационную форму заготовки.³⁷ Правда, инструкция оставляла в руках интендантства ответственность за прием и отправку хлеба на фронт, но по причине малого состава интендантства и необходимости оперативного регулирования железнодорожного транспорта, в феврале 1915 г. как прием, так и отправка хлеба также вошли в сферу полномочий местных уполномоченных, представлявших в большинстве случаев земства. Установившаяся в таком виде децентрализованная система по заготовке хлеба и его перевозкам практиковалась до Октябрьской революции.

V. Изменение характера общественной ссыпки во время войны

В мировой истории потребности армии часто облегчали решение проблемы в том, как раздобыть средства для технологического прогресса. Упорядочение хлебной торговли не составляло исключения. Хотя до Первой мировой войны только несколько земств (в основном Средневолжского региона и Украины) имели опыт поставки хлеба интендантству, уже тогда некоторые из них высказывались о мнении, что “если бы военное ведомство ежегодно предоставляло земству постоянно определенную цифру размера заказов для заготовки, причем эти заказы стояли бы не в зависимости от желания или нежелания интендантства, но в зависимости от наличности урожая в губернии, ...то губернская управа имела бы возможность организовать постоянный кадр опыт-

ных лиц, которые бы ведали дело поставок и, что главное, имела бы возможность постепенно устроить ссыпные пункты” (Симбирская губернская земская управа, 1913 г.).³⁸

Этот мотив приобрел универсальное значение в связи с Постановлением Совета министров от 1 августа 1914 г. В кругах земств, агрономов и кооперативов распространилось мнение о том, что война дает “шанс” для радикального осуществления общественной ссыпки, а организационная инфраструктура, формируемая при помощи военных заготовок, должна остаться и после войны, как постоянное учреждение, регулирующее хлебную торговлю.³⁹ Они обратили внимание на то, что благодаря войне появился крупный постоянный рынок и были учреждены должности уполномоченных по закупке хлеба для армии, которые могли компенсировать отсутствие в России общенационального союза кооперативов.⁴⁰ Тем более что казна взяла на себя расходы по обеспечению технической базы для общественной ссыпки. Например, значительная часть железнодорожных зернохранилищ, арендованных государством, использовалась в качестве кооперативных ссыпных пунктов. Участие в заготовке хлеба могло иметь просветительский эффект: агрономы и кооператоры освоили технику проверки хлеба, счетоводства; установлены льготы для крестьянского хлеба, если он отсортирован и очищен.⁴¹ Перед лицом кризиса, вызванного отступлением из Галиции, даже МВД смягчило отношение к кооперативам, и меньше стало чинить препятствий объединению кооперативов в союзы.

В течение первых месяцев после начала войны правительство и земства старались осуществить непосредственную покупку хлеба у производителей, боясь падения хлебных цен из-за прекращения экспорта. Ситуация изменилась в конце 1914 г., когда стала ясно, что война затянется и спрос на хлеб не уменьшится. При таких условиях, основным предметом заботы заготовительных организаций стала не защита интересов производителей, а выполнение норм заготовки. Привлечение торговцев к заготовке уже считалось неопасным и даже необходимым. На заседании совещания уполномоченных по закупке хлеба для армии, состоявшемся в Петрограде с 1 по 3 июля 1915 г., главноуполномоченный по закупке хлеба для армии Г.В. Глинка сформулировал новую политику, предполагающую привлечение торговцев с “незначительным вознаграждением комиссионного характера”. По его мнению, совершенно избежать скупщиков было “не только невозможно, но в некоторых случаях и нежелательно”, так как “земская ссыпка, организованная уполномоченными, представляется весьма затруднительной, требует громадных накладных расходов”.⁴²

Однако политика по привлечению торговцев не могла не вызвать сопротивление со стороны некоторых земств. Участие земцев в заготовке хлеба для армии убедило их в пользе общественной ссыпки. К тому же во время войны нравы хлебных торговцев сильно ухудшились. Так, например, в 1916 г. В.Г. Громан в докладной записке, представленной в Центральное мукомольное бюро, отметил, что “на смену прежним солидным торговым работникам — знатокам товара и рынков — пришли современные торговцы-специалисты порядков железнодорожного движения и способов обхода его запрещений”.⁴³ В октябре

1915 г. Козловский биржевой комитет (г. Козлов расположен на западе Тамбовской губернии) высказал протест Г.В. Глинке по поводу пренебрежительного отношения к торговцам со стороны Тамбовского уполномоченного Ю.В. Давыдова (председателя губернской земской управы). По мнению биржевого комитета, “при наличности свободной конкуренции в поставке хлебов казна получит огромные выгоды”.⁴⁴ Глинка рекомендовал Давыдову, чтобы последний смягчил свое отношение к торговцам. На эту рекомендацию Давыдов ответил, что работа ссыпных пунктов возможна и при свободной конкуренции, “но только в том случае, когда конкурент ведет дело совершенно добросовестно, чего, к сожалению, нельзя сказать относительно большего количества скупщиков Тамбовской губернии”. Опыт первого заготовительного года (1914-1915) показал, что скупщики предлагали производителям цену даже выше той, которую получали потом от Давыдова, но “это повышение с избытком покрывают обвесом населения”. Почти невозможно бороться с намеренным ими засорением хлеба, ведь уполномоченный не может открывать каждый мешок для проверки. По мнению Давыдова, “на первое место должны быть поставлены интересы населения, производящего хлеб, а не интересы бесчисленных посредников, *которые должны быть заменены различными организациями самых производителей*” (выделены нами - К.М.).⁴⁵

Когда было необходимо опереться на торговый элемент, уполномоченные предпочитали мелких скупщиков солидным торговцам.⁴⁶ Иными словами, цель общественной ссыпки изменилась коренным образом во время войны, так как накануне войны целью считалась капиталистическая рационализация хлебного рынка, выраженной в формуле: “устранение мелких скупщиков из хлебной торговли и организация прямой связи между производителями хлеба и крупными хлебными фирмами” или даже: “привлечение к делу хлебной торговли крупного капитала в виде наиболее солидных хлеботорговых фирм”.⁴⁷ Однако в условиях военного времени скупщикам было легче приспособиться к административным торговым сделкам, поддержанным искусственным географическим размежеванием рынка, чем солидным торговцам, которые нуждались в свободном рынке.

Огромные объемы заготовок для действующей армии, потом и для населения, поставили перед земцами и кооператорами новый вопрос: есть ли достаточно солидные фирмы и техническая инфраструктура хлебной торговли (элеваторы, биржи, транспорт и т.д.) для выполнения нормы заготовок? Большинство губерний тогдашней России не могло ответить на этот вопрос положительно. Исключением этого оказались, пожалуй, только средневожские (вожско-камские) и новороссийские губернии. Так, например, по Уфимской губернии в 1914/1915 заготовительном году доля непосредственной покупки, включая помещиков (3,3%), крестьян (1,1%) и кооперативов (0,4%),⁴⁸ составила только около 5%! Презрение Уфимского уполномоченного П.Ф. Коропатинского к кооперативной ссыпке вызвало критику даже со стороны Стерлитамакского уездного съезда.⁴⁹ В ноябре 1916 г. помощник уполномоченного А.Д. Цурупа заявил, что в Уфимской губернии все без исключения хлебные фирмы вовлечены в организа-

ции, созданные уполномоченным, в качестве комиссионеров, и поэтому “хлебный рынок всецело находится в руках правительственной организации и помимо ее никаких закупок частными фирмами почти не производится”.⁵⁰ В самом деле, уфимский опыт представляет другой тип государственной монополии, который, по всей вероятности, требовал меньше накладных расходов, чем предложенная земцами государственная монополия, основанная на общественной ссыпке. Если есть готовая капиталистическая инфраструктура хлебной торговли, то эффективнее опираться на нее, чем пытаться совершить псевдосоциалистический скачок.

VI. Типология местных заготовительных организаций

Анализ изменения характера общественной ссыпки, включенной в состав военно-заготовительной системы, приводит к гипотетической типологии местных заготовительных организаций. (1) В губерниях, имевших достаточную капиталистическую инфраструктуру хлебной торговли, уполномоченные могли на нее опираться. (2) В губерниях без упомянутой инфраструктуры уполномоченные, по идее, должны были организовать общественную ссыпку. При этом они стояли перед выбором: либо привлечь скупщиков, либо стараться осуществить общественную ссыпку в чистом виде, без скупщиков. (3) В некоторых губерниях, несмотря на отсутствие капиталистической инфраструктуры хлебной торговли, уполномоченные не пытались организовать общественную ссыпку, а пассивно опирались на докапиталистические торговые элементы. В этой главе проверим адекватность этой типологии.

Мы располагаем четырьмя параметрами для типологического анализа местных заготовительных организаций: 1. Состав местных уполномоченных ; 2. Состав продавцов хлеба (помещики, крестьяне, кооперативы и посредники) ; 3. Форма ссыпки (комиссионный договор или создание постоянных ссыпных пунктов) ; 4. Состав служащих заготовительных организаций.

Параметр 1 — Кого ГУЗиЗ назначило местным уполномоченным ?

Как показано в Таблице 3, за редкими исключениями в земских губерниях уполномоченными по закупке хлеба для армии были назначены председатели губернских (или уездных) земских управ. К этой же категории можно отнести уполномоченного по Полтавской губернии С.И. Гриневича, члена Государственной думы (националиста), который был “избран” губернским земским собранием.⁵¹ Исключениями являлись самарский уполномоченный в 1914/1915 заготовительном году и вятский и могилевский уполномоченные 1915/1916 и 1916/1917 заготовительных годах, должности которых исполняли местные губернаторы.

Нам неизвестна причина назначения в 1914 г. на должность самарского уполномоченного губернатора Н.В. Проташева. В 1915 г. он был переведен в должность харьковского губернатора, там снова назначен уполномоченным и в ноябре этого года умер. Правительство изображало Проташева умершим на посту уполномоченного.⁵² На самом деле он не был активным уполномоченным.

Таблица 3. Список уполномоченных по заготовке хлеба для армии

пг : председатель губернской земской управы
 чг : член губернской земской управы
 гг : гласный губернского земского собрания
 гу : председатель уездной земской управы
 гд : член Государственной думы
 гс : член Государственного совета
 г : губернатор
 бк : председатель биржевого комитета
 жд : управляющий или прочий руководитель железной дороги
 мз : служащий министерства земледелия, переселенческого управления
 или землеустроительных комиссий

(1) Уполномоченные по военным округам

	К 24 августа 1914 г.	1915-1916 гг.	1916-1917 гг.
Казанский в. о.	пг Н.А. Мельников	он же	упразднено
Московский в. о.	пг Ф.В. Шлиппе	жд Н.К. Мекк	упразднено
Киевский в. о.	пг М.А. Суковкин	он же	вакансия
Одесский в. о.	гс С.Н. Гербель	он же	он же

(2) Губернские уполномоченные

	К 24 августа 1914 г.	1915-1916 гг.	1916-1917 гг.
Бессарабская	—	пг К.А. Мими	он же
Витебская	—	пг М.Л. Карташев	он же
Вологодская и пр.	—	пг Н.М. Дружинин	он же
Вологодский уезд	—	пу Н.Н. Андреев	он же
Волынская	—	4 уполномоченных	губ. земск. управа
Воронежская	пг В.Н. Томановский	он же	он же
Вятская	овес	пг П.И. Паньков	г А.Г.Чернявский
	пр. хлеба		г Н.А. Руднев
Екатеринославская	пг К.Д. Гесберг	он же	он же
Казанская	—	—	чг Н.С. Теренин
Киевская	—	пу=гд К.П. Григорович-Барский	пу А.Н. Леонтьев
Курская	пг К.А. Рапп	он же	он же
Минская	—	пг Б.Н. Самойленко	он же
Могилевская	—	г А.И. Пильц	г Д.Г. Явленский
Оренбургская	—	мз В.И. Беляев	он же
Челябинский уезд	—	—	пу П.К. Владимирцев
Орловская	пг С.Н. Маслов	он же	он же
Елецкий уезд	пу К.Н. Лопатин	он же	он же
Пензенская	—	пг Л.Н. Кутушев	он же

	К 24 августа 1914 г.	1915-1916 гг.	1916-1917 гг.
Пермская	пг А.И. Мухлынин	чг Е.Д. Калугин	пг он же
Подольская	—	гд И.И. Авчиников	пу А.А. Савостьянов
Полтавская	гд С.И. Гриневиц	он же	он же
Рязанская	пг В.Ф. Эман	он же	он же
Самарская	г Н.В. Протасьев	бк В.Н. Башкиров пг К.Н. Иньков	бк В.Н. Башкиров
Саратовская	пг К.Н. Гримм	он же	он же
Симбирская	пг Н.Ф. Беляков	он же	он же
Смоленская	—	мз В.Н. Каверзнев	он же
Таврическая	пг Я.Т. Харченко	он же	он же
Тамбовская	пг Ю.В. Давыдов	он же	он же
Тверская	—	пг В.Ф. Гаслер	он же
Тобольская	—	г А.А. Станкевич	г Н.А. Ордовский-Танаевский
Томская	—	г В.Н. Дудинский	он же
Тульская	—	чг В.И. Херодинов	он же
Уфимская	пг П.Ф. Коропачинский	он же	он же
Харьковская	пг В.В. Акишев	гд П.А. Неклюдов г Н.В. Протасьев	гд П.А. Неклюдов
Черниговская	бывший пг Н.П. Савицкий	он же	гг Е.И. Малявко

(3) Региональные и прочие уполномоченные

	К 24 августа 1914 г.	1915-1916 гг.	1916-1917 гг.
Моск.-Казан. ж.д.	жд Н.К. Мекк	он же	он же
Рязан.-Урал. ж.д.	жд Ф.И. Шмидт	он же	он же
Средневожский	бк Д.В. Сироткин	он же	он же
Северный район	гс Ф.В. Стахеев	он же	он же
Северный Кавказ	—	мз Н.Н. Данилевский	он же
Тройцкая жел. дор.	—	жд Я.Ф. Ткаченко	жд В.П. Устинов
Акмолинская обл.	—	мз А.В. Цеклинский	он же
Амурская обл.	—	мз В.И. Рубинский	он же
Обл. Войска Донск.	жд А.И. Кириллов	он же	он же
Приморская обл.	—	мз Б.Н. Клепинин	он же

Источник : Известия главного управления землеустройства и земледелия, 1914, №34, с. 831-832; Список уполномоченных председателя особого совещания по продовольственному делу и уполномоченных министерства земледелия по закупкам для армии (30 января 1916 г.), 1916; РГИА, ф. 456, оп.1, д.167, лл.21-24.

В Самарской губернии он делегировал свои полномочия должностным лицам: председателю губернской земской управы, председателю биржевого комитета, заведующему постройкой и эксплуатацией зернохранилищ Госбанка в Заволжском районе и другим.⁵³ Среди них видное место в заготовке занял председатель Самарского биржевого комитета В.Н. Вашкиров, который в 1915/1916 заготовительном году фактически стал руководителем всего этого дела в губернии. По-видимому, деятельность Проташева как уполномоченного по Харьковской губернии тоже была чисто символической, так как там до его назначения руководство заготовками хлеба держал в руках член Государственной думы П.Н. Неклюдов (октябрист).

В Вятской губернии с лета 1915 г. сложилось своеобразное разделение труда между земствами и губернатором: заготовка овса была поручена губернатору, а остальных видов зерна - земствам. В начале войны, подобно другим земским губерниям, уполномоченным по Вятской губернии был назначен председатель губернской земской управы П.И. Паньков, который однако не проявлял должную активность. В то же время губернатор А.Г. Чернявский бомбил ГУЗиЗ своими инициативными предложениями.⁵⁴ В результате ГУЗиЗ лишило Панькова части полномочий и передало их Чернявскому.⁵⁵ Эта перестройка носила не только персональный характер. По терминологии того времени овес являлся “абсолютно дефицитным” товаром (в том смысле, что возросший спрос на него со стороны армии не был компенсирован излишком, возникшим от прекращения экспорта). Для заготовки товара этой категории более целесообразным считался принудительный способ, в том числе, хлебная повинность. В Вятской губернии транспорт был малоразвит, и поэтому нужно было дополнительно ввести гужевую повинность для подвоза овса из глубинки. Возложение же на крестьян повинности - дело администрации, а не земства.⁵⁶ Кроме того, со времени русско-японской войны в Вятской губернии сложилась традиция использовать для заготовки овса сельскую хлебозапасную систему,⁵⁷ которая тоже находилась под контролем администрации. В итоге нельзя отрицать определенную техническую целесообразность перехода полномочий по заготовке овса в руки вятской администрации.⁵⁸

Что касается региональных уполномоченных, то двое из них — председатель Нижегородского биржевого комитета Д.В. Сироткин (в Средневолжском регионе) и член Государственного совета Ф.В. Стахеев (в Верхневолжском регионе) — были назначены из представителей торговых кругов. С помощью этих лиц предполагалось мобилизовать региональную сеть приволжской и прикамской хлебной торговли для целей заготовки. Однако в 1914/1915 заготовительном году уполномоченные, региональные и губернские, часто вступали в конкуренцию между собой, что вызывало повышение цен на хлеб. Поэтому в 1915/1916 заготовительном году, по решению совещания уполномоченных в июле 1915 г., закупка Сироткиным была ограничена территорией Нижегородской губернии, а Стахеевым - только в городах Рыбинске и Петрограде.⁵⁹

Назначение региональными уполномоченными железнодорожных предпринимателей и администраторов тоже было направлено на использование

торговой сети и элеваторов в целях заготовки. Исключение составляла Область Войска Донского, где уполномоченный А.И. Кириллов был заведующим ссудо-складочными операциями Управления юго-восточных железных дорог, т.е. специалистом кредита. Привлечением кредитных кооперативов намечалось восполнить отсутствие в Донской области земств.

Таким образом, привлечение к заготовке хлеба торговых деятелей было ограничено волжскими губерниями и районами близ железных дорог. И даже это ограниченное привлечение представителей деловых кругов было существенно сокращено во втором заготовительном году.

Численное превосходство земцев-уполномоченных в земских губерниях делает состав уполномоченных малоинформативным показателем типа заготовительных организаций. В данной ситуации было бы целесообразно привлечь данные о составе заместителей уполномоченных. Хотя данных о заместителях уполномоченных пока собрано немного, они показывают, что в губерниях, где земства придерживались принципа общественной ссypки, заместителями уполномоченных были часто назначены губернские (земские) агрономы или подобные должностные лица: например, Н. Бобынин в Тамбовской губернии (секретарь Тамбовского сельскохозяйственного общества); Ю.Ю. Соколовский в Полтавской губернии (губернский агроном); и Ю.А. Поляков в Екатеринославской губернии (губернский агроном).

Параметр 2 — У кого уполномоченный покупал хлеб ?

Состав продавцов хлеба и их доля в общем объеме заготовок по губерниям отражен в таблице 4, а в целом по России в таблице 5. Однако следующие таблицы не показывают, каким образом каждый уполномоченный использовал посредников: либо в качестве своих агентов с резонным комиссионным вознаграждением, либо в качестве контрагентов через частно-правовые договоры. Именно эта проблема вызывала наибольшие споры среди заготовителей. На упомянутом выше совещании уполномоченных в июле 1915 г. уполномоченный по Казанской губернии, председатель губернской земской управы Н.А. Мельников поставил вопрос: если уполномоченный использует скупщиков с маленьким вознаграждением, нельзя ли назвать это “закупкой непосредственно у производителя”?⁶⁰ Ту же мысль выдвинул уполномоченный по Полтавской губернии Гриневич.⁶¹

Дополним Таблицу 2 данными по Тамбовской и Херсонской губерниям. В Тамбовской губернии в 1914/1915 заготовительном году было закуплено овса: у помещиков - 10%, у крестьян - 17%, у кооперативов - 4% и у торговцев - 69%. Относительно ржи - 30% у помещиков, 13% у крестьян, 22% у кооперативов и 35% у торговцев.⁶² Что касается овса, то общественную ссypку в Тамбовской губернии нельзя считать передовой. Однако благодаря инициативе уполномоченного Ю.В. Давыдова ситуация изменилась в следующем 1915/1916 заготовительном году: до февраля 1916 г. половина овса и треть ржи были закуплены у кооперативов.⁶³ Что же касается Херсонской губернии, то нам известны данные только по Елисаветградскому уезду за первые девять месяцев 1915/1916 загото-

Таблица 4. Состав продавцов хлеба и их доля в общем объеме заготовок в 1915/1916 заготовительном году по губерниям и районам

губерния, уезд, район (фамилия уполномоченного)	Доля хлеба, купленного у:			
	землевладельцев	крестьян	кооперативов	посредников
Витебская (Карташев)	42,9	57,1	0,0	0,0
Волынская (Вишневецкий)	66,7	0,7	0,0	32,6
Воронежская (Томановский)	12,4	3,2	18,6	65,8
Екатеринославская (Гесберг)	18,8	5,0	42,6	33,6
Казанская (Мельников)	5,1	13,3	2,5	79,1
Киевская (Григорович-Барский)	72,3	4,5	12,3	10,9
Курская (Рапп)	11,0	6,2	6,0	76,8
Минская (Самойленко)	98,6	1,4	0,0	0,0
Могилевская (Явленский)	100,0	0,0	0,0	0,0
Оренбургская (Беляев)	3,4	4,1	13,7	78,8
Челябинский у. (Владимирцев)	11,9	0,7	11,3	76,0
Орловская (Маслов)	6,7	0,6	43,1	49,6
Елецкий у. (Лопатин)	6,3	4,3	35,2	54,2
Пензенская (Кугушев)	38,7	18,9	5,0	37,4
Пермская (Калугин)	0,0	0,0	32,5	67,5
Подольская (Авчинников)	72,1	0,3	5,0	22,6
Полтавская (Гриневич)	24,5	11,4	25,3	38,8
Рязанская (Эман)	2,3	0,7	5,8	91,2
Самарская (Башкиров)	25,0	27,7	3,0	44,3
Симбирская (Беляков)	13,5	46,0	0,1	40,4
Смоленская (Каверзнев)	57,1	28,6	0,0	14,3
Таврическая (Харченко)	7,1	2,1	17,7	73,1
Тульская (Херодинов)	5,0	0,3	26,4	68,3
Уфимская (Коропачинский)	2,2	52,4	6,4	39,0
Черниговская (Савицкий)	21,5	13,0	34,9	30,6
Район Моск.-Казан. ж. д. (Мекк)	0,8	0,0	0,7	98,5
Средневожский (Сироткин)	15,5	41,5	7,1	35,9
Северный район (Стахеев)	0,0	0,0	0,0	100,0
Район Троицкой ж. д. (Ткаченко)	0,6	19,9	6,0	73,5
Обл. Войска Донского (Кириллов)	53,5	3,7	21,6	21,2

Источник: Управление делами Особого совещания по продовольственному делу, *Материалы к вопросу о государственном регулировании хлебной торговли*, 1916, с. 16-17.

Таблица 5. Состав продавцов хлеба и их доля в общем объеме заготовок в 1914/1915 и 1915/1916 заготовительных годах: общероссийские итоги

Хлеб куплен у:	1914/1915 гг.	1915/1916 гг.
помещиков	13%	18%
крестьян	15%	15%
кооперативов	12%	17%
посредников	60%	50%
итого	100%	100%

Источник : Управление делами особого совещания по продовольственному делу, *Совещание уполномоченных 25-31 августа 1916 г., Материалы*, с. 5.

вительного года. Распределение пшеницы, ячменя, ржи, овса, муки и крупы между продавцами выглядит так: у помещиков - 33%, у кооперативов - 6% и у торговцев - 61%.⁶⁴ Как известно, в губернии было два крупнейших сборных пункта хлеба на юге России — в г. Одессе и г. Николаеве. Херсонская заготовительная организация сложилась в результате приспособления этой торговой сети к военным нуждам.⁶⁵ Хотя с конца 1914/1915 заготовительного года к заготовке хлеба губернии стали привлекаться земские агрономы,⁶⁶ общественная сыпка распространилась здесь незначительно.

Параметр 3 — Комиссионный договор или постоянные сыпные пункты ?

По этому критерию губернии и области разделяются на три группы⁶⁷: (1) Киевская, Подольская, Пермская и Таврическая губернии, и районы Тройцкой и Московско-Казанской железных дорог, где был принят только комиссионный договор; (2) Бессарабская, Витебская, Екатеринославская, Тульская и Черниговская губернии, и Акмолинская область, где практиковались только постоянные сыпные пункты; (3) Вологодская, Воронежская, Вятская, Казанская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская и Уфимская губернии, Тобольская и Томская области и Область Войска Донского, где применялись оба способа.

На первый взгляд, постоянные сыпные пункты больше ассоциируются с общественной сыпкой. Однако сопоставление указанной группировки с Таблицей 4 не оправдывает эту ассоциацию. Почему ? Земские сыпные пункты требовали “громадных накладных расходов”, и земцы часто перекладывали это дело на кооперативы. Теоретически ясно, что если агенты, работавшие в сыпных пунктах, оплачивались пропорционально количеству ссыпанного хлеба, то они почти не отличается от комиссионеров. С другой стороны, не только торговцы, но и кооперативы могли работать в качестве комиссионеров, что подтверждается на примере Пермской губернии.

В конце концов, важно, кем были агенты ссыпных пунктов и кем были комиссионеры. К сожалению, для ответа на этот вопрос, мы не располагаем достаточными сведениями.

Предварительные итоги параметров 1, 2 и 3

Имея в виду упомянутое выше источниковедческое ограничение, постараемся по возможности интерпретировать Таблицу 4. Более всех здесь заметна группа, имевшая большую долю покупки у помещиков, которая включала Могилевскую, Минскую, Киевскую, Подольскую, Волынскую, Смоленскую, Витебскую губернии и Область Войска Донского. За исключением последней, все они принадлежали к западным регионам, где были развиты частновладельческие (в большинстве, польские) крупные хозяйства. Однако они не входили в число губерний, вывозящих хлеб даже в мирное время. Во время Первой мировой войны они находились в “театре военных действий”, где хлеб закупала в основном армия, а не уполномоченные министерства земледелия. Наверное, в этих губерниях уполномоченные организовали непосредственную покупку хлеба у производителей в незначительном объеме, чтобы защитить интересы помещиков. К этой группе регионов не принадлежит Область Войска Донского, которая считалась образцом кооперативной ссыпки.⁶⁸ Возможно, данные Таблицы 4 говорят о преобладающем в области значении частного (необщинного) землевладения.

Уполномоченные по Екатеринославской (К.Д. Гесберг) и Черниговской (Н.П. Савицкий) губерниям были принципиальными сторонниками общественной ссыпки и создавали только постоянные ссыпные пункты.

В Самарской, Уфимской и Симбирской губерниях важную роль играла покупка непосредственно у крестьян, что в значительной степени объясняется наличием в этих губерниях элеваторов Госбанка. Впрочем, что же касается Уфимской губернии, то отмеченный в таблице процент непосредственной покупки у крестьян (52,4%) вызывает сомнение. Как отмечено выше, в 1914/1915 заготовительном году по Уфимской губернии доля покупки у крестьян составила всего 1,1%. Хотя Уфимское земство приняло определенные меры для того, чтобы поднять долю непосредственной покупки в 1915/1916 заготовительном году, все же скачок от 1,1% до 52,4% представляется невероятным. Уфимское земство, вероятно, изменило в 1915/1916 заготовительном году методику подсчетов.

Значительную долю покупки непосредственно у крестьян в Средневолжском районе, т.е. Нижегородской губернии (41,5%) можно считать доказательством успеха уполномоченного Сироткина, перестроившего заготовительную организацию из торговой в земскую. Однако ввиду небольшого абсолютного объема нормы заготовок зерна, возложенной на эту губернию (губерния поставляла, в основном, муку), лучше не переоценивать значение достигнутых здесь успехов. В отличие от метаморфоза Башкирова и Сироткина, уполномоченные из числа железнодорожных деятелей, Мекк и Ткаченко, продолжали опираться на торговую сеть.

Уполномоченный Калугин в Пермской губернии стремился не только к

Таблица 6. Число местных агрономов, имена которых найдены в списках служащих в заготовительных организациях в 1916 г.

Г - на уровне губернии : число агрономов-заготовителей (их должность)

У - на уровне уездов : названия уездов (число агрономов-заготовителей)

Губерния (число уездов)		Земские агрономы	Агрономы землеустроительных комиссий
Бессарабская (8)	Г	1 заведующий агрономич. делопроизводством (заведующий отделом хлебных операций)	0
	У	Аккерманский (2) Оргеевский (3) Сорокский (6)	Аккерманский (1) Сорокский (7)
Вологодская (10)	Г	0	2 губернский агроном земл. комиссий и специалист
	У	Вологодский (1)	Вельский (1) Вологодский (1) Грязовецкий (2) Кадниковский (1) Никольский (2) Сольвычегодский (1) Тотемский (3)
Воронежская (12)	Г	3 Заведующий опытным полем и его помощники	1 специалист по культуре кормовых растений
	У	Бирюченский (1) Бобровский (1) Богучарский (1) Землянский (1) Коротоякский (2) Нижедевицкий (1) Острогожский (3)	0
Вятская (11)	Г	0	0
	У	Глазовский (2) Елабужский (3) Сарапульский (6) Уржумский (4) Яранский (2)	Вятский (1) Глазовский (1) Елабужский (1) Сарапульский (1) Яранский (1)
Екатеринославская (8)	Г	2 губернский агроном = помощник уполномоченного	0
	У	Александровский (4) Верхнеднепровский (13) Екатеринославский (6) Мариупольский (1) Новомосковский (1) Павлоградский (9)	Александровский (1) Верхнеднепровский (1) Екатеринославский (1)
Казанская (12)	Г	0	0
	У	0	0

Губерния (число уездов)		Земские агрономы	Агрономы землеустроительных комиссий
Пермская (12)	Г	0	0
	У	Екатеринбургский (6) Ирбитский (7) Камышловский (8) Красноуфимский (8) Кунгурский (3) Осинский (2)	0
Самарская (7)	Г	0	0
	У	0	0
Симбирская (8)	Г	2 губернский агроном и его помощник	0
	У	Буинский (1) Корсунский (3) Сенгилеевский (2) Сызранский (4)	0
Таврическая (8)	Г	0	0
	У	Бердянский (1) Мелитопольский (1) Перекопский (1)	0
Тамбовская (12)	Г	4 губернский агроном (заведующий заготовительным районом); секретарь Тамбовского общества сельского хозяйства (помощник уполномоченного); заведующий посредническим бюро Тамбовского общества сел. хозяйства)	0
	У	Борисоглебский (2) Козловский (2) Моршанский (2) Тамбовский (2) Усманский (3)	0
Тульская (12)	Г	0	0
	У	Епифанский (2) Тульский (1)	
Харьковская (11)	Г	0	0
	У	0	Ахтырский (3) Богодуховский (3) Змиевский (2) Изюмский (1) Купянский (5) Лебединский (2) Старобельский (3) Сумский (1)

Источник :

Список агрономов: Департамент земледелия, *Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе, 1 января 1916 г.* (Петроград, 1917).

Списки Заготовителей: Списки служащих в организациях уполномоченных министерства земледелия в 1919 г. (РГИА, ф.456, оп. 1, дд.1441, 1442, 1443 и 1444).

По Екатеринославской губернии в 1915 г. см. РГИА, ф.456, оп. 1, д. 210, л. 25.

По Самарской губернии см. ГАСО, ф.702, оп. 1, д. 4, лл. 10 и 18.

По Тамбовской губернии в 1916 г. см. ГАТО, ф. 207, оп. 1, д. 133, лл. 2-5.

общественной ссылке, но и к привлечению скупщиков в качестве агентов. Уполномоченный по Полтавской губернии Гриневич относился к скупщикам терпимо, но многие другие деятели, ответственные за заготовки в губернии, не разделяли его позицию, что заметно и по показателям Таблицы 4. Уполномоченные-земцы по Рязанской, Курской, Таврической, Тульской и Воронежской губерниям и по Челябинскому уезду опирались главным образом на посредников. Неизвестно, впрочем, каким образом (в качестве агентов или контрагентов).

Параметр 4 — До какой степени были привлечены агрономы ?

Было бы желательно проанализировать полный социальный состав служащих заготовительных организаций. Однако из-за трудности идентифицировать имена агентов-скупщиков, агентов-торговцев и агентов-мукомолов ограничимся подсчетом числа агрономов, привлеченных к заготовительным организациям. Мы располагаем «Списками служащих в организациях уполномоченных Министерства земледелия» (составленными в 1916 г. для прошения об отсрочке их мобилизации) и некоторыми другими списками. К сожалению, нам пришлось исключить из анализа важные губернии, по которым списки недостаточны (Нижегородскую, Орловскую, Пензенскую, Полтавскую, Рязанскую, Саратовскую, Уфимскую, Херсонскую и Черниговскую). Сопоставление имеющихся данных о заготовителях со списками местных агрономов (*Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе, 1 января 1916 г.*) отражено в Таблице 6.

Сопоставление таблиц 3 и 6 дало основания для следующей типологии.

Таблица 7. Назначение уполномоченных и привлечение агрономов

1	Уполномоченным был назначен председатель губернской земской управы и, в то же время, наблюдалось массовое привлечение земских агрономов к заготовке.	Екатеринославская, Пермская, Симбирская и Тамбовская
2	Уполномоченным был назначен председатель губернской земской управы и наблюдалось умеренное привлечение земских агрономов.	Воронежская, Курская, Таврическая и Тульская
3	Наряду с указанными в группе 2 условиями, наблюдалось привлечение агрономов землеустроительных комиссий.	Бессарабская
4	Несмотря на назначение уполномоченным председателя губернской земской управы, не наблюдалось привлечения агрономов, т. е., земства опирались только на торговую организацию.	Казанская

Можно отметить и другие специфические примеры: в Вологодской губернии уполномоченным был назначен председатель губернской земской управы, но

были привлечены в основном агрономы землеустроительных комиссий. В Вятской губернии, наверное в связи с введением системы двойных уполномоченных (губернатор и председатель губернской земской управы), были привлечены агрономы не только земств, но и землеустроительных комиссий. По Самарской губернии, под руководством В.Н. Башкирова, председателя биржевого комитета, не наблюдалось случаев привлечения агрономов. По Харьковской губернии, под руководством члена Государственной думы Неклюдова наблюдалось только привлечение агрономов землеустроительных комиссий.

Приведенный здесь материал о привлечении агрономов к заготовке не вступает в заметные противоречия с указанными выше предварительными итогами. Это приводит к выводу о том, что степень преобразования земской агрономической организации в заготовительную определила активность данного земства в плане общественной ссыпки. Короче, чем больше агрономов в заготовительной организации, тем мощнее развивалась общественная ссыпка.

Общий итог типологических анализов

Мы не могли выяснить конкретную роль скупщиков в местных заготовительных организациях (контрагенты или агенты). Оставив этот вопрос, сведем воедино полученные выводы по схеме, представленной в следующей таблице:

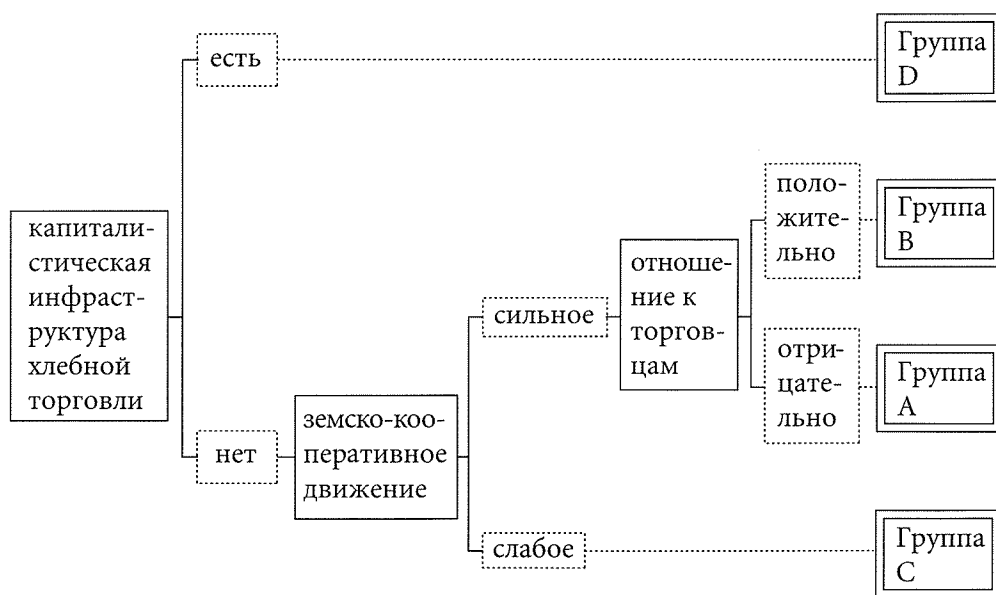
		Привлечение скупщиков в качестве агентов	
		слабо	активно
Отношение к общественной ссыпке	позитивное	А	В
	негативное	С	Д

В группе А, т.е. в числе принципиальных приверженцев идеи общественной ссыпки оказались екатеринославская, тамбовская и черниговская заготовительные организации, которые мало привлекали скупщиков к заготовке. К более прагматической группе В, сочетавшей общественную ссыпку с привлечением скупщиков, принадлежала пермская заготовительная организация. Полтавская организация находилась в промежуточной позиции между группами А и В. К группе Д принадлежали нижегородская и херсонская организации в первом заготовительном году, и уфимская и казанская организации - до конца.

Вследствие нерешенности конкретной роли скупщиков в заготовке хлеба (контрагенты или агенты) принадлежность многих организаций осталась неясной. Воронежская, курская, пензенская, рязанская, таврическая организации и челябинская уездная организация принадлежали либо к группе Д либо к группе С. Основываясь и на других материалах, автор считает, что, кроме таврической

и челябинской организаций, все остальные принадлежали к группе С, т.е. самой “ленивой” группе (слабая общественная ссыпка и неумение использовать скупщиков в качестве агентов). По той же причине неясна принадлежность орловской, елецкой, саратовской и тульской организаций (либо к группе А, либо к группе В). Тем не менее гипотеза, данная в начале этой главы, подтверждена. Иллюстрируем причинную связь факторов в формировании местных заготовительных организаций.

Рисунок 1. Причинная связь факторов в формировании местных заготовительных организаций

Особо следует остановиться на четырех волжских губерниях, где имелись элеваторы Госбанка (Самарской, Симбирской, Уфимской и Саратовской). По мнению автора, значение элеваторов в заготовке хлеба было особенно велико в Самарской губернии, затем, по убывающей, в Саратовской, Уфимской и Симбирской губерниях. Что касается комбинации элеваторов с общественной ссыпкой, то саратовский и симбирский уполномоченные старались связать элеваторы с кооперативной ссыпкой.

В Самарской губернии, под руководством Башкирова, главные кадры заготовительной организации состояли из смотрителей зернохранилищ Госбанка. Они вели работу по сбору информации о хлебных ценах на местах,⁶⁹ по выбору мест для открытия ссыпных пунктов,⁷⁰ по подбору комиссионеров,⁷¹ по отправке хлеба на фронт,⁷² по регулированию железных дорог, по аренде складских помещений при железных дорогах,⁷³ по надзору за работой ссыпных пунктов и мельниц,⁷⁴ по оказанию помощи кооперативам в заготовке и т.д. Благодаря их активной работе, реформа организации Башкирова в 1915/1916 заготовительном году из коммерческой в бюрократически-земскую и из региональной в чисто губерн-

скую проводилась гораздо успешнее, чем у нижегородского Сироткина.⁷⁵ По-видимому, успехи такого преобразования породили у Башкирова убеждение в том, что торговцы, бок о бок с земцами и чиновниками, могут работать для строительства государственного капитализма. В этом он напрасно старался летом 1916 г. убедить своих непослушных товарищей в ходе организации Центрального мукомольного бюро.

VII. Заключение

Историки неоднократно подчеркивали те новые моменты, которые принесла с собой первая в мировой истории тотальная война. Однако нельзя упустить из виду, что никакое правительство не способно в короткий срок создать из ничего инфраструктуру для тотальной мобилизации ресурсов. Поэтому правительства воюющих стран старались использовать в военных целях уже существующую инфраструктуру управления и хозяйства. Что касается российской деревни, то такая инфраструктура сформировалась в ходе столыпинского агротехнологического переворота в лице земской агрономической организации и кредитных кооперативов. Хотя общественная ссыпка зерна оставалась сравнительно неразвитым компонентом агротехнологического переворота, она приобрела еще до войны признание не только в общественных, но и в правящих кругах.

В России, где регионы с развитой инфраструктурой капиталистической хлебной торговли были исключением, общественная ссыпка приобрела значение руководящей идеи в организации военно-продовольственных заготовок. Однако, находясь в зависимости от уровня развития в данной губернии капиталистической хлебной торговли с одной стороны, и земско-кооперативного движения - с другой, структура и деятельность губернских заготовительных организаций обнаружили значительное разнообразие. Этому способствовала политика Министерства земледелия, которое предоставило земцам выбор способа заготовки. Количественный анализ показал соотношение между активностью уполномоченных-земств в плане общественной ссыпки и степенью переориентации земской агрономической организации в обязанности по заготовке хлеба.

Географическая типология заготовительных организаций не изменилась даже после введения продразверстки А.А. Риттиха в конце ноября 1916 г. Губернии, преуспевшие в общественной ссыпке, показали себя таковыми и в разверстке. Здесь нет ничего удивительного, потому что назначение риттиховской разверстки состояло, вопреки сложившемуся в историографии стереотипу, не в том, чтобы заменить существующую систему заготовки хлеба (руководящей идеей которой являлась общественная ссыпка), а, наоборот, - стимулировать ее.⁷⁶ Другой стереотип в историографии — об анти-коммерческом характере продразверстки — тоже отвергается тем фактом, что самарская и уфимская заготовительные организации, преуспевшие в превращении капиталистической инфраструктуры хлебной торговли в способ военной заготовки, смогли использовать ее и для разверстки хлебных норм.⁷⁷

Итак, политика конверсии довоенных общественных и хозяйственных организаций помогла царизму построить систему, готовую к тотальной войне, не только быстро и дешево, но и в соответствии со специфическими особенностями губерний. Однако победа оказалась матерью поражения. Общественная ссыпка, превращенная в способ тотальной мобилизации, была бюрократизирована. Даже при благоприятных условиях войны, она могла конкурировать с торговцами только с помощью принудительных мер (твердых цен, реквизиций и запретов на вывоз), полномочия для применения которых были делегированы правительством уполномоченным-земцам. Земцы использовали принудительные меры для того, чтобы установить монополию на своем региональном рынке. Сознавая, что без административной монополии на местах земско-кооперативное движение не может справиться с заготовками, правительство давало уполномоченным-земцам рычаги для установления монополии. Среди них полномочия по регулированию железных дорог оказались фатальными.⁷⁸ Российская система заготовки хлеба во время Первой мировой войны могла функционировать только за счет усиления местнических тенденций среди земцев-кормильцев Империи.

Примечания

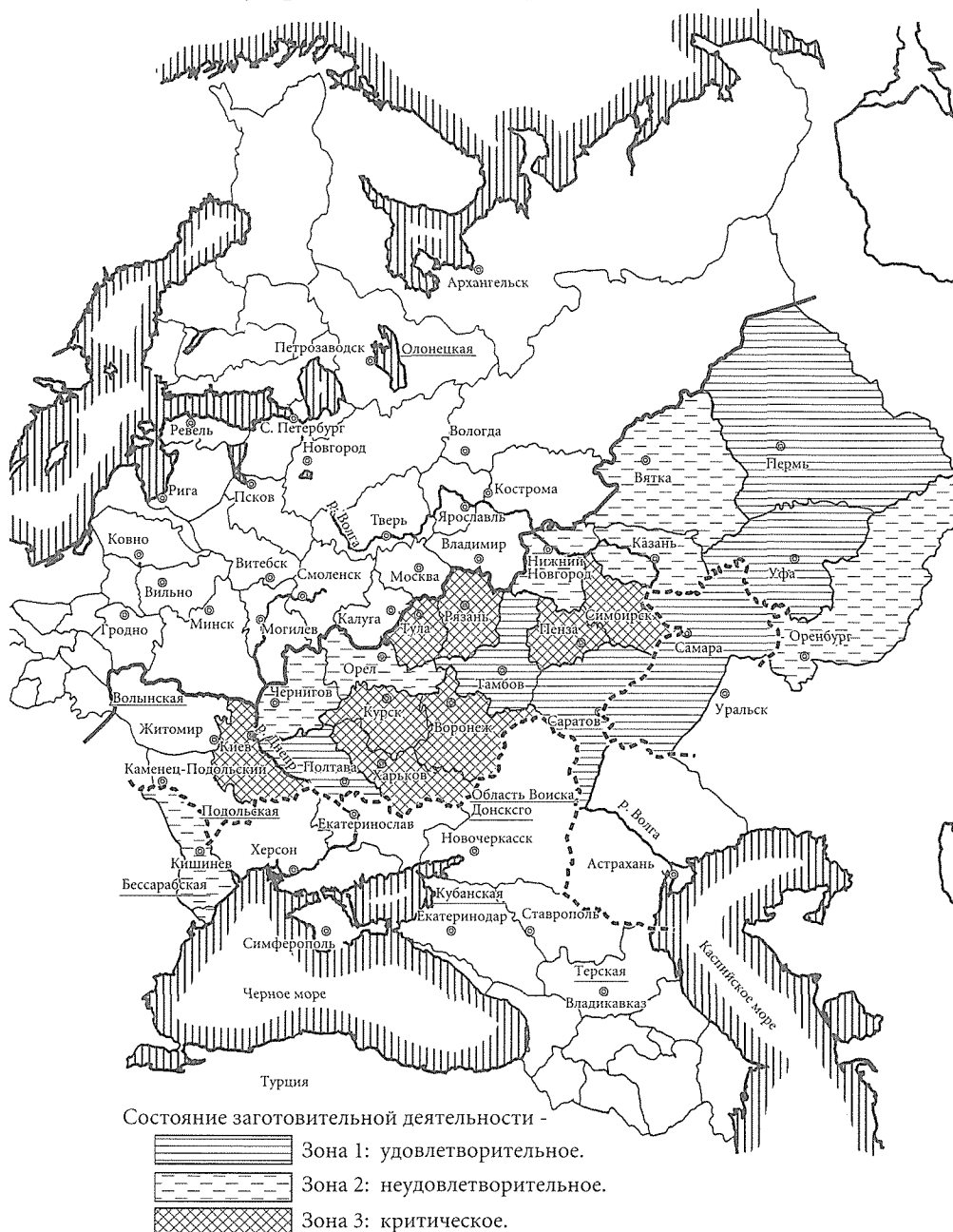
- 1 Судзуки Наодзи, *Исследование организации рисовой торговли* (на японском языке), 1965, с. 19.
- 2 Там же, с. 20.
- 3 Там же, с. 21; Он же, *Рис : история свободы и регулирования* (на японском языке), 1974, с. 54.
- 4 Он же, *Исследование...*, с. 19.
- 5 Танабэ Кацумаса, *История современной политики по продовольствию* (на японском языке), 1948, с. 62-71.
- 6 Главный комитет, Всероссийский земский союз, Экономический отдел, *Материалы по вопросам организации продовольственного дела*, вып. 3, *Организация заготовки хлебов в Тамбовской губернии* (М., 1917).
- 7 Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.456 (Канцелярия главноуполномоченного министерства земледелия по заготовке хлеба для армии), оп.1, д.157, л. 23-25.
- 8 Там же, д.110, лл. 80-97.
- 9 *Сельское хозяйство и лесоводство* (Журнал главного управления землеустройства и земледелия), 1914, т. 244, с. 746.
- 10 *Труды Областного съезда по упорядочению хлебной торговли на юге России, состоявшегося 11-16 июня 1913 г. в г. Екатеринославе*, вып. 2, ч. 1 (Екатеринослав, 1913), с. 7.
- 11 Писарев Г.И., "Хлебная монополия и продовольственные комитеты Черноморского центра России в 1917 году", Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, (М., 1984), с. 49-50.
- 12 В Вятское губернское земское собрание 26 очередной сессии, Доклад эконо-

- мической комиссии о хлебных ломбардах, 1892, с. 4-10.
- 13 Труды Областного съезда..., вып. 2, ч. 1, с. 73.
 - 14 Там же, с. 72.
 - 15 Там же, с. 76-77.
 - 16 Там же, с. 75.
 - 17 Там же, с. 20.
 - 18 Отдел зернохранилищ Государственного банка, Классификация хлебов в зернохранилищах государственного банка, 1913, с. 7-8; Хлебный листок, 1914, №3, с. 1-2.
 - 19 Китанина Т.М., Хлебная торговля России в 1875-1914 гг. (Очерки правительственной политики) (Л., 1978), с. 131-136; Корелин А.П., Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX - начале XX в. (М., 1988), с. 64.
 - 20 Зернохранилища государственного банка, 1913, с. 9-11; Материалы по сооружению государственным банком сети собственных зернохранилищ в губерниях: Харьковской, Полтавской, Орловской, Курской, Тульской, южной части Рязанской, Казанской, Вятской и Пермской и в областях: Кубанской, Терской, и южной части Области Войска Донского, 1913-1915 гг. (Пгр., 1915), с. 1; Китанина Т.М., Хлебная торговля..., с. 145-147.
 - 21 Корелин А.П., Указ. соч., с. 64.
 - 22 Известия главного управления землеустройства и земледелия, 1914, №37, с. 891-892.
 - 23 Материалы по сооружению..., с. 191.
 - 24 Китанина Т.М., Хлебная торговля..., с. 148.
 - 25 Там же, с. 146.
 - 26 Труды Областного съезда..., вып. 1, ч. 2, с. 11.
 - 27 Там же, с. 63.
 - 28 Зернохранилища..., с. 13.
 - 29 Труды Организационного бюро съезда по упорядочению хлебной торговли на юге России, вып. 2, 1913, с. 23.
 - 30 Труды Областного съезда..., вып. 2, ч. 1, с. 21.
 - 31 Известия главного управления..., 1914, №. 45, с. 1160.
 - 32 РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 18, л. 4.
 - 33 РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив), ф. 499 (Главное интендантское управление), оп. 3, д. 1251, л. 2.
 - 34 Там же, л. 15.
 - 35 Южный кооператор, 1915, №. 4, с. 100.
 - 36 Журнал Вятского губернского земского собрания, экстренной сессии, 12-13 августа 1914 г., с. 44-45.
 - 37 Известия главного управления..., 1914, №. 33, с. 809-811.
 - 38 РГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 1259, л. 3.
 - 39 Телеграммы от Е.Д.Калугина, 15 мая 1915 г. и 10 августа 1916 г. (РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 10, л. 158; д. 138, л. 30-31); Южно-русская сельскохозяйственная газета, 1914, №. 33, с. 3-5; №. 37, с. 5-6; №. 44, с. 3-4; Полтавские агрономические известия, 1915, №. 3, с. 44; Отчет Полтавской губернской земской управы

- за 1915 г., вып. 1, 1916, с. 88; Государственный архив Тамбовской области, ф. 207 (Главная контора уполномоченного по заготовкам в Тамбовской и Воронежской губерниях), оп. 1, д. 44, л. 298.
- 40 *Сельскохозяйственная жизнь* (Тамбов), 1916, №.1/10, с. 36.
- 41 Там же, с. 33 и 51.
- 42 РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 19, л. 141.
- 43 Там же, ф. 457 (Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу), оп. 1, д. 16, л. 35.
- 44 Там же, ф. 456, оп. 1, д. 305, л. 66.
- 45 Там же, л. 84.
- 46 Как пример в Вятской губернии, см.: Государственный архив Кировской области (ГАКО), ф. 650 (Слободской уездный съезд), оп. 1, д. 82, л. 19.
- 47 *Труды Организационного бюро...*, вып. 2, 1913, с. 23.
- 48 Государственный архив Башкирской республики (ГАБР), ф. И-96 (Уполномоченный министерства земледелия по заготовке хлеба для армии в Уфимской губернии), оп. 1, д. 5, л. 4.
- 49 Там же, ф. И-343, оп. 1, д. 2, л. 46.
- 50 ГАКО, ф. 728 (Уполномоченный министерства земледелия по заготовке хлеба для армии в Вятской губернии), оп. 1, д. 4, л. 377.
- 51 *Полтавские агрономические известия*, 1915, №. 1, с. 31-32.
- 52 Управление делами Особого совещания по продовольственному делу, *Совещание уполномоченных 25-31 августа 1916 г., материалы*, 1916, с. 2.
- 53 Государственный архив Самарской области (ГАСО), ф. 702 (Уполномоченный министерства земледелия по заготовке хлеба для армии в Самарской губернии), оп. 1, д. 2, л. 20, 89.
- 54 РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 198, л. 129-130, 139, 140, 161-162; д. 199, л. 1-3.
- 55 Там же, д. 198, л. 22, 24.
- 56 Там же, л. 20.
- 57 Там же, ф. 1291 (Земский отдел министерства внутренних дел), оп. 130, д. 60-1-1914 г., л. 9-10, 161-168.
- 58 По поводу подробности данного процесса, см.: K. Matsuzato, "Typological analysis of Tsarist Local Government: Governors and Zemstvos", в кн. O. Ieda (ed.), *New Order in Post-Communist Eurasia* (Sapporo, 1993), pp.77-78.
- 59 РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 19, лл. 117-118; там же, д. 26, л. 6.
- 60 РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 19, л. 138.
- 61 Там же, л. 135.
- 62 *Сельскохозяйственная жизнь...*, 1915, №. 2, с. 50-51.
- 63 Там же, 1916, №. 1/10, с. 61.
- 64 Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1915 г., 1916, с. 32.
- 65 *Южный кооператор*, 1914, №. 17, с. 436-444.
- 66 Отчет о земской агрономической помощи... в 1915 г., с. 33.
- 67 *Совещание уполномоченных 25-31 августа...*, с. 7.
- 68 РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 19, л. 136-137.

- 69 ГАСО, ф. 702, оп. 1, д. 17, л. 178.
- 70 Там же, л. 177.
- 71 Там же, л. 167.
- 72 Там же, лл. 172 и 184.
- 73 Там же, л. 177; ф. 230, оп. 1, д. 98, л. 32.
- 74 Там же, ф. 702, оп. 1, д. 20, л. 122.
- 75 РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 276, л. 8-10.
- 76 К.Мацузато, “Продразверстка А.А. Риттиха”, *Acta Slavica Iaponica*, tomus 13, 1995, pp. 167-183.
- 77 ГАСО, ф. 230 (Контора зернохранилищ заволжского района Самарского отделения государственного банка), оп. 1, д. 209, л. 186; ГАБР, ф. И-96, оп. 1, д. 5, л. 55.
- 78 К. Matsuzato, “Inter-Regional Conflicts and the Collapse of Tsarism — The Real Reason for the Food Crisis in Russia after the Autumn of 1916”, in Mary Schaeffer Conroy (ed.), *Emerging Democracy in Late Imperial Russia* (Colorado, 1998).

Картограмма 1. Оценка министерством земледелия хода заготовки хлеба в губерниях в конце ноября 1916 г.

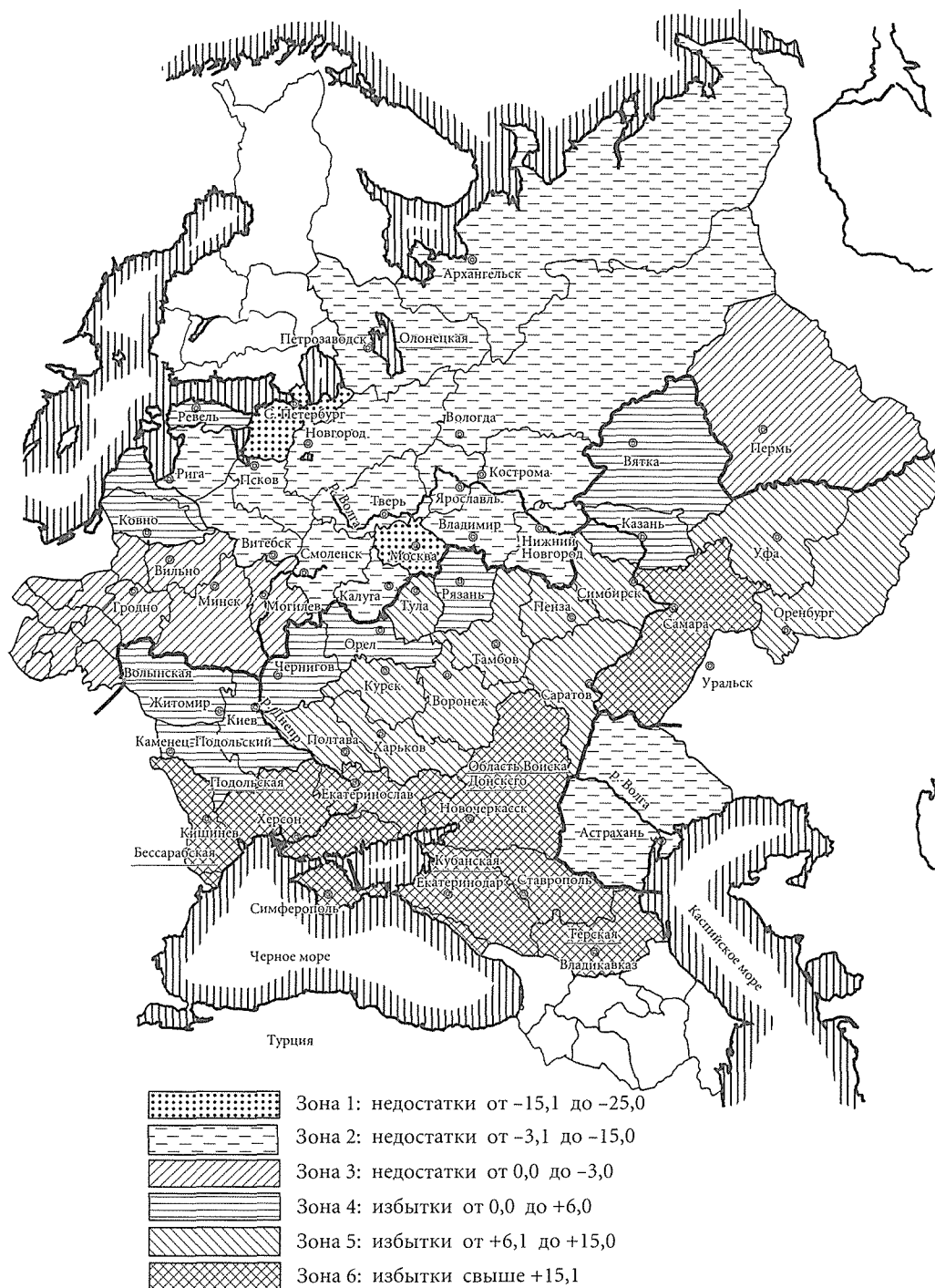

———— Граница между Зонами 1-2-3 и 4-5 в Картограмме 2 (т. е. между потребляющими и производящими хлеба губерниями)

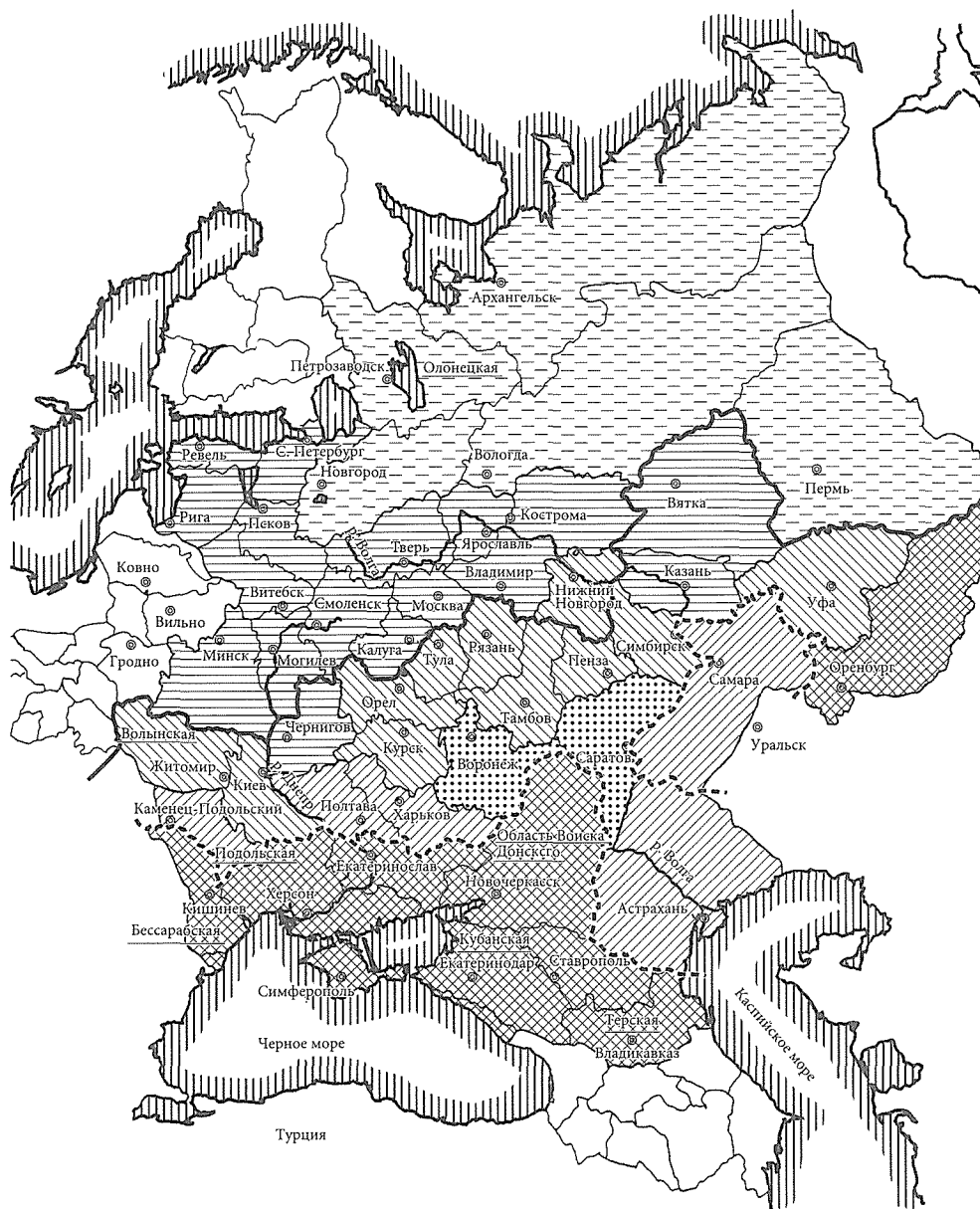
----- Граница между Зонами 2-4-5 и 6 в Картограмме 2 (т. е. между богатыми и очень богатыми в отношении производства хлеба губерниями)

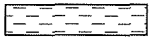
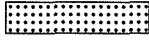
Источник: РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 157, лл. 23, 24 и 25.

**Картограмма 2. Избытки и недостатки всех хлебов в пудах на душу населения
(сведения за 1909-1913 гг.)**

Картограмма 3. Соотношение производства 4-х главных видов хлеба (порядок культур по размерам среднего валового сбора в 1909-1913 гг.)

- Зона 1: Первыми двумя являются “ячмень-рожь” или “овес-рожь”
- Зона 2: “Рожь-ячмень-овес-пшеница” или “рожь-овес-ячмень-пшеница”
- Зона 3: “Рожь-овес-пшеница-ячмень”
- Зона 4: “Рожь-пшеница-овес-ячмень”
- Зона 5: “Пшеница-рожь-ячмень-овес” или “пшеница-рожь-овес-ячмень”
- Зона 6: Первыми двумя являются “пшеница-овес” или “пшеница-ячмень”

———— Граница между Зонами 1-2-3 и 4-5 в Картограмме 2 (т. е. между потребляющими и производящими хлеба губерниями)

----- Граница между Зонами 2-4-5 и 6 в Картограмме 2 (т. е. между богатыми и очень богатыми в плане производства хлеба губерниями)

Источник: Управление делами Особого совещания по продовольственному делу, *Материалы к продовольственному плану – производство, перевозки и потребление хлебов в России 1909-1913 гг.*, Выпуск 1, “Рожь, пшеница, ячмень, овес”. (Пгр., 1916), с. viii.